

Общая инф. -
1996.

ЭХО

21 марта -
с 3

Высоцкий вместо огурцов

ВАЖАЕМЫЙ г-н
Редактор!

В № 8 «Общей газеты» за этот год опубликован материал Ю. Карякина

«Из повиновения выйти», в котором содержится ряд измышлений, касающихся, в том числе, и меня. Чтобы читатель мог представить себе, о чем идет речь, я должен привести этот отрывок целиком:

«Сегодня я не ближе к отчаянию, — пишет Ю. Карякин, — чем десять лет назад, когда, забрав из очередной редакции отвернутое письмо одному инкогнито «Стоит ли наступать на грабли?» (не ко времени, мне говорили, а я чувствовал: теперь — или никогда!), шел по Тверскому бульвару, держа курс на ЦДЛ, с известной невеселой целью: «завить горе веревочкой».

Вдур в старом особнячке — вееска: журнал «Знамя».

Григорий Бакланов статью прочитал за вечер. Позвонил: «Ставим в номер!»

И началась мука мученическая.

Бакланов, отстранив и меня, и своих сотрудников, принялся править текст «Граблей». Где по зову сердца, а где и не по своей воле (цензура была на последнем издыхании, но еще лютовала). Я пошел к его заместителю Лакшину: «Есть места в статье, которые уступить не могу. Как ты думаешь, имею я право действовать в обход Гриши?» Лакшин с сочувствием, но без особой веры, сказал: «Валей, если получится».

И поехал я в типографию на улицу «Правды», прихватив три бутылки водки и магнитофон с записью Высоцкого. Явился в цех и сказал: «Братцы, вот какое дело, в мой текст не разрешают вставить один кусок. Сейчас покажу, какой» — запустил им «Охоту на волков».

«Я из повиновения вышел» эта строчка Володи для меня идея шестидесятников. Их знак. Наборщики были потрясены: «Давай еще раз!» Эх, раз, еще раз... Раз пять слушали — и сказали: «Вписывайте все, что надо». На свой страх и риск сказали — нужно было видеть! Они из повиновения вышли! Бакланов потом и ру-

гался, и восхищался — дело было сделано...»

Действительно, в конце июня 1987 года Ю. Карякин принес мне в журнал «Знамя» свою статью, написанную в форме письма, — «Стоит ли наступать на грабли», которую до этого в ряде редакций не решились печатать: «Не ко времени». В тот же вечер прочел статью, позвонил Карякину, похвалил статью и сказал, что ставим ее в номер. Все это правда.

Но в дальнейшем рассказе Карякина нет ни слова правды. «И началась мука мученическая, — пишет он. — Бакланов, отстранив и меня, и своих сотрудников, принялся править текст «Граблей». Где по зову сердца, а где и не по своей воле...» Когда участников события нет в живых, мемуарист в меру своей порядочности волен писать все, что ему вздумается. Но, сочиняя героическую сагу о себе и о мучениях, которые он претерпел, Карякин забыл, наверное, что, кроме безвременно ушедшего Владимира Яковлевича Лакшина, все остальные участники этого небольшого события пока что живы.

Я одобрил статью, то есть как главный редактор взял на себя ответственность и обязательство отстаивать ее в цензуре, а работала с ним редактор отдела критики Ольга Ильинична Довженко, работала с радостью. И, в основном, работа состояла в том, что Карякин дописывал все новые и новые куски в статью, их либо вставляли спешно, либо не удавалось вставить, так как сроки поджимали, мы могли вылететь из графика, и журнал опоздал бы на месяц. Я уезжал из редакции, а они оставались допоздна, и я не помню, когда еще я видел Ольгу Ильиничну такой счастливой. И вообще в редакции это было радостное время, странно, что Карякину оно запомнилось как «мука мученическая». Он приходил в редакцию именинником, и как именинника его встречали.

Но вот высшая точка рассказа: с тремя бутылками водки Карякин едет в типографию, в цех, запускает там «Охоту на волков» Высоцкого,

и наборщики набирают ему то, что якобы вырезали в редакции... Год еще только 87-й, но поверим, попытаемся поверить, что при тех строгих порядках, какие существовали в издательстве «Правда», все произошло именно так. И что же? Каков результат? Верстка, которую набрали в типографии, возвращается в редакцию, ее заново читают в отделе, читает автор, прочтет главный редактор-злодей. И, конечно, вычеркнет то, что он уже вычеркивал однажды. Снова ехать с бутылками в типографию? Так ведь после верстки присылать в редакцию сверку, в которую внесена вся правка, таков процесс. А еще — чистые листы, цензура... Незалитованные, то есть без штампа Главита, журналы тогда в свет не выходили.

Что же, все это Карякин выдумал? Нет, не выдумал, авторство не его. Он взял это у Е. Евтушенко. В свое время, когда печаталось знаменитое стихотворение «Бабий Яр», Евгений Александрович, как он об этом писал, будто бы поехал к наборщикам в цех с водкой и соевыми огурцами. Карякин только заменил огурцы песней Высоцкого. На большее фантазии не хватило.

А теперь взглянем на все это по-другому; представим себе на минуту, что написанное Карякиным не ложь, а правда. Ни в одной редакции не взяли его статью, побоялись, а редактор «Знамени» напечатал ее, отстоял в цензуре, хотя будто бы и вычеркивая из нее нечто. Пролежи она еще несколько месяцев, год, и никаким событием она бы уже не стала: время быстро менялось. Но ее печатали, что называется, с колес. Статья эта прославила автора несравнимо больше, чем все, что он сделал до и после этого. И вот вместо признательности Карякин через девять лет выставляет счет редактору, обвиняет его в таких-то и таких-то грехах. Это поступок порядочного человека?

Не понимаю и не пойму, зачем Карякину потребовалось предстать в таком качестве? Но знаю, что ему я уже не подам.

Григорий БАКЛАНОВ